

Андрей Красильников

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Андрей Красильников

Избранные произведения. Том 1

Издательство "Руда"

2013

ББК 84 (2 Рос = Рус)

Красильников А. Н.

Избранные произведения. Том 1 / А. Н. Красильников —
Издательство "Руда", 2013

ISBN 978-5-86609-172-0

Первый том «Избранных произведений» известного русского писателя и общественного деятеля А.Н. Красильникова (р. 1953) составили отдельные рассказы из сборников «Запах мяты» (2002) и «Путешествие по Некрополю» (2001), а также первые девять глав и пять преданий романа «Старинное древо» (2006). Самый ранний из публикуемых рассказов «Одинокий лыжник» датирован февралём 1969 года, когда автору было всего пятнадцать лет. Самый поздний «Стихи и проза» относится к первому году нового века. В роман «Старинное древо», посвящённый истории одного рода за последние четыреста лет, включены документальные материалы и цитаты из «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва. Действие романа разворачивается в Москве, а также районном центре Ольгин в бывшей Северной земле. Под этим названием скрывается реальный город Льгов Курской области. В романе под вымышленными именами действуют его современные жители. Центральным событием становится празднование 850-летия города в 2002 году, участником которого был и сам автор, приглашённый как потомок одного из земских деятелей XIX века. Параллельно исследуется история самобытного русского парламентаризма, начиная с Земского собора 1613 года. Выход книги приурочен к 60-летию со дня рождения писателя.

ББК 84 (2 Рос = Рус)

ISBN 978-5-86609-172-0

© Красильников А. Н., 2013
© Издательство "Руда", 2013

Содержание

Вступление	7
Одинокий лыжник	9
Запах мяты	12
Последняя корова	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Николаевич Красильников

Избранные произведения. Том 1

© А.Н. Красильников, 2013

Вступление

Издание избранных произведений Андрея Николаевича Красильникова осуществляется в связи с шестидесятилетием со дня рождения писателя.

В первый том включены отдельные рассказы из сборников «Запах мяты» и «Путешествие по Некрополю». Оба составлены на рубеже веков. Самый ранний из публикуемых рассказов «Одинокий лыжник» датирован февралём 1969 года, когда автору было всего пятнадцать лет.

Часть первого тома и второй том занимает роман «Старинное древо», созданный под впечатлением от поездки на родину отца в город Льгов Курской области и село Ширково (в романе – Троицкое), где находилось родовое имение матери отца Зинаиды Александровны Красильниковой (урождённой Щербаковой). Все персонажи, действующие в главах, описывающих эту поездку, реальные люди, выведенные под вымышленными именами. Эти имена в комментариях не раскрываются.

Роман содержит большое количество прямых и скрытых цитат из «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва и документов разных эпох. Комментирование этого массива и указание на источники также не входит в задачи издательства. Цитаты не подвергались научному редактированию и даются в авторской редакции.

Третий том включает пьесы, написанные автором за последние пятнадцать лет. За одну из них («В ту же реку») Андрей Красильников в 2002 году стал лауреатом Всероссийского конкурса драматургов «Долг. Честь. Достоинство», проведённого под эгидой Министерства культуры Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, редакции журнала «Современная драматургия» и Фонда развития и поощрения драматургии.

Предлагаемое издание содержит лишь часть произведений, созданных известным русским писателем и общественным деятелем Андреем Николаевичем Красильниковым. Он родился 2 мая 1953 года в Москве в семье потомственных русских интеллигентов. В числе предков по отцовской линии встречаются и литераторы, включённые в «Словари русских писателей». В частности, прапрапрадед отца Иван Васильевич Коростовцев (1745–1814) прославился своими сочинениями ещё в XVIII веке. Его дочь Людмила (1794–1883) стала одной из первых русских поэтесс и была принята в Вольное общество любителей российской словесности, где за всю его историю числились всего четыре женщины. Входил в эту организацию и муж Людмилы Ивановны Пётр Иванович Рикорд (1776–1855), знаменитый русский адмирал, мореплаватель, дипломат, литератор, государственный и общественный деятель. Рикорды являлись единственной супружеской парой в составе ВОЛРС.

Андрей Красильников – профессиональный литератор с всеохватной палитрой. В 1982 году он окончил Литературный институт им. А.М. Горького, где занимался в семинаре драматургии Виктора Сергеевича Розова. В 1983 году вступил в Профессиональный союз писателей России (тогда – Профессиональный комитет московских драматургов). С 1992 года А.Н. Красильников возглавляет эту организацию. В качестве её представителя был участником Конституционного совещания (1993) и Общественной палаты при Президенте Российской Федерации (1994–96). Редактировал журнал «Отечественные записки» (1992–97).

Ещё на студенческой скамье драматург сочинил стихотворную трагедию «Гений и Смерть» о судьбе великого итальянского поэта эпохи Возрождения Торквато Тассо (1544–95) – первую пьесу на русском языке, написанную октавами.

Дух новаторства не оставлял его и в дальнейшем. Андрей Красильников – один из основателей политического театра на советском телевидении. Их совместный с Георгием Зубковым спектакль «Почему убили Улофа Пальме?» (1987) стал первым драматургическим произведением в жанре *вербатим*, текст которого состоит из документальных монологов и диалогов реальных людей, перепроизносимых актёрами.

Уже в новом веке Андрей Красильников написал вызвавшую немало споров «Терпеливую историю» (2008) в новом для отечественной прозы стиле *«кондиционального романа»*, где события развиваются по логике, заданной историей, но с некоторым отклонением от её магистральной дороги, пройденной человечеством. До него из именитых русских авторов на такое отваживался только Василий Аксёнов в «Острове Крым».

Первый роман писателя «Отпуск» (2002) не включён в настоящее собрание сочинений и вышел в издательстве «Нобелистика» отдельным изданием. Не попали в число «Избранных произведений» также пьесы, написанные в 70–80-е годы, сценарии, большинство произведений малой прозы, лирика, а также литературоведческие работы, труды по истории литературы, публицистика, дневниковые записи, мемуары и эпистолярный. Всё это требует более тщательной и кропотливой подготовки, а также необходимых комментариев и является задачей будущего.

ОДИНОКИЙ ЛЫЖНИК

Последний раз Алёша навевался в лес в первых числах января, когда удивительно чистый белый покров распускался, как сахар на раскалённой сковородке, под лучами на редкость разъярённого для такой поры солнца, игравшего бликами в зеркальном жёлобе лыжни, жадно метавшего огненный взгляд то на дорогу, то на верхушки деревьев.

Уже в сочельник на этом месте было сплошное болото.

Но природа, рабыня времени, не способна на продолжительный бунт: с далёкого севера потянуло холодом, и наступил конец её упрямству.

Поначалу изморозь сковала крыши ледяным панцирем, затвердели лужи, затем тяжёлые хлопья спустились на землю и завладели ею. Да так засыпали, что только успевай отгрести! Протоптали тропинки, поработали лопатами, накидав высокие холмы, и только тогда ворчливые старухи провозгласили приход настоящей зимы.

За окном февраль. Месяц короткий, но тянется дольше других собратьев и непременно успевает выполнить все свои обязанности: каждую щель снегом укроет, извергнет из ледяных уст самый морозный поцелуй, обязательно сравняет сугробы с низиной и пройдёт по ним быстрой позёмкой. То солнышком ясным улыбнётся, то суровой теменью нахмурится. Он – верный сын матушки-зимы, никогда не набедакурит ни дождём, ни оттепелью. Одним февраль люб за такое постоянство, другие поругивают его за излишнюю услужливость, только сам он не унывает, веселится: разузорит стёкла, нарумянит щёки, накормит блинами и – на покой, до следующего года.

Стелется по поседевшей просеке фигура одинокого лыжника, стремглав летит он по целине. Нет-нет да остановится, поднимет голову, замрёт на минуту-другую и поклонится величию леса, ибо иных богов не признаёт, а в этого верит с детской наивностью, несёт в возвышенный над миром храм сжимающуюся от тревог душу свою и верит, что найдёт там успокоение.

Бежит Алёша по скрипучей дорожке, открывая в ставшем по-человечески родным пейзаже прелести новой окраски.

Сосёнки одеты небрежно: на одной ветке целый ком, а другая – как летом. Это вина чумазых ворон, с утра до вечера прыгающих по деревьям. Зато в ямочках, этаких ладошках, откуда расходятся в три стороны пальцы сосны, белым-бело. Заледенели ладошки. Жаль только, что темновато, а то картина была бы просто дивной. Ели тоже едва покрыты, но удивительно стройны. Растёт молодняк как попало, ни разу его не прорежали. Встречаются среди зелени и берёзки. На одну совсем жалко смотреть: стоит голенькая, тоненькая, хрупкие ручонки не могут удерживать зимние дары. Оцепенела вся бедняжка! За ней ухаживает широкая ёлочка, укрывает от непогоды. Алёша почему-то вспомнил тициановскую Данаю, благо на свежем воздухе фантазия у него работала на удивление отточено.

Замелькали последние деревца нового, посаженного лет тридцать назад леса. Летом они одинакового цвета, сейчас же ели кажутся тёмно-зелёными, а у сосен мутноватые иголки, и есть в них что-то серое. Но и они позади.

Перед взором Алексея целый полк глазастых солдат – так выглядят стволы великанов-старожилов. Ветвей не видать – высоко гордые ветви. Сбросили они снежные преподношения, раскачиваются на ветру, шумят, никто не знает о чём. Стволы хранят белизну в зияющих ранах от срубленных лап, а поскольку такие места чаще всего находятся рядом, чудится, будто пара глаз смотрит на тебя. Аж страшновато становится!

Февральское небо имеет два лика. В ясную погоду на нём ни облачка, и по-летнему ярко светит солнце. В хмурый день кажется, что набросили мрачное покрывало на унылую голу-

бизну, а само покрывало – из такой тонкой материи, что вот-вот расплзётся. Расплзается, расплзается, но не выдаёт наружу контуры светила, а лишь пропускает сияние его. И сейчас проступает через насупившийся свод молочная лужица.

Дальше и дальше уходит от глазастых чудовищ Алёша. Вот берёзовая роща полуостровком вдаётся в хвойные владения. Не нравится юному мечтателю скопление берёз даже летом. Белёсые они какие-то, просвечивают на сотни метров, не чувствуется в них мощи, мудрости – одно бесшабашное веселье: ласки, заигрывания и нежный лепет. Нет, не для того создан лес. Несколько таких деревьев – красиво, но целая роща – неудачная выдумка природы.

Ритмично хлопают по снегу лыжи, летят на всех парусах. Мелькают важные пни, не желающие снимать перед путником белые папахи, поваленные наземь стволы, обломанные ветки. Не видит их одинокий лыжник, спешит вперёд, к неведанному ещё чуду.

А вот и оно. Алексей аж замер от восторга.

Ему открылся дряхлый бор. Зима лишь припудрила игольник да приукрасила ели: под пышные их турнюры и кринолины она забраться не смогла. Теперь то не просто зелень, а тёмный лоснящийся бархат, поросший ледышками, тяжеленный-претяжеленный, свисает пышными ветвями. До них и не достать, а как хочется пощупать, должно быть, очень мягкие. Какая красота, какое богатство!

Наконец прорвался наружу матовый диск и мигом согнал с небес все облака. Алёша в это время уже мчался по коридору из дикорастущих сосёнок – последней лесной улочке на пути к величавому простору.

Толчок руками, и лыжи сами выносят его на слегка освещённое место, где уже заметна собственная причудливая тень. Ещё толчок...

Запорошенные сосны, бархатные ели, обнажённые берёзы остались позади. Их шелест и дрожь, смех и скорбь не волновали боле нашего героя, не нашёптывали советов, не обдавали смолистым ароматом. Теперь он наедине с обширным пространством, сияющим желтизной выступающих из-под снега незрелых хлебов и придорожной куриной слепоты. Нет, то мираж: не пробиться сквозь гнетущую толщу ни одному росточку. То задиристые лучи ласкают не тронутое с осени, укрытое и убаюканное метелью поле. Оно невинно чистое – ни следа недоброго прикосновения.

Даже боязно нарушать эту стыдливую девственность, выставленную напоказ. Однако решено...

Ноги по щиколотку погружены в снег, но плывут и тащат за собой лыжи. Вот прочерчена длинная полоса, ещё такая же, но будто отражённая в зеркале. И перекладинка между ними – А. Теперь то же, но без перекладинки – АЛ. Рядом – высокий ствол и три ветки: побольше, поменьше и снова побольше – АЛЕ. До сих пор Алексей шагал уверенно, до сих пор он ставил автограф – любопытному прохожему и невдомёк, что это не так. Но следующая буква выдаст его намерения с головой. Алёша осмотрелся. Никого нет. Ну, с Богом! Лихо промчался он по целине, добавив новый след – АЛЕН. Сейчас нужно обернуться ещё быстрее, и в лес. Вдруг кто-нибудь заметит! Нет, никто не должен это видеть.

А идти тяжело, ноги заплетаются, проваливаются, в горле со страху пересохло...

Кажется, готово.

Ворвавшись в зелёный коридор, он остановился, оглянулся и полюбовался собственной выдумкой, воплощённой в реальность. Такое бывает не часто.

На сахарно-белом поле пять замкнутых борозд открывали всему миру имя его любимой. Ни одному рыцарю на земле не удавалось ещё написать имя дамы сердца такими громадными буквами, ни одному.

Алёша постоял с минутку, пососал припасённый лимон – лучшее средство от жажды в лыжном путешествии – и ринулся в обратный путь, увозя с собой радость исполненного замысла и грусть неразделённого свидания.

«Чего ты боишься? – шептали ему шелудивые сосёнки. – Своей любви? Ты должен кричать о ней громко-громко, а не воздвигать анонимные памятники. Это не преступление – это любовь».

Над головой раздался гул самолёта. Маленький «кукурузник» шёл прямо над полем, и лётчик наверняка всё видел из окна. Как жаль, что там, в кабине, нет Алёны! Как жаль!

– Ты должен пойти к ней. Слышишь, ты обязан. Чужой человек знает отныне больше, чем она. Для кого ты старался? Для себя? Для зевак? Сколько можно класть тяжести на сердце? Этой оно не выдержит. Освободи душу от камня. Сделай так, как я говорю. Тебе будет легче.

– А если она засмеётся, лес?

– Лучше знать об этом сразу.

– Я не переживу.

– Тогда можешь смело умереть. Ступай.

– Хорошо, лес. Спасибо, лес. Я обязательно выполню твой наказ. В воскресенье, в клубе, на танцах. Обязательно. Клянусь тебе.

И он помчался непривычно быстро, словно навстречу воскресенью.

февраль 1969

Запах мяты

1.

Он проснулся, когда летнее солнце почти взобралось на свой полуденный трон и не только разбудило весь остальной мир, но уже успело влить в него истому жаркого июльского дня. Пронизанный зноем сад щедро расточал ароматы. Ещё сквозь сон он почувствовал, как через закрытое окно вторгается в его спальню удивительно сильный, навязчивый и очень приятный запах, который и заставил открыть глаза: на миг почудилось, будто провалился в далёкое-далёкое детство и беспомощно барахтается в одном из заколдованных уголков его далей.

Но стоило ему только коснуться взором своей старой доброй детской, как память тотчас же расплела клубок несурезицы сновидений. Одно лишь никак не вспоминалось: сладкий запах давних лет. Точнее, помнить он его помнил, но забыл название источника: ведь мышление в юные годы не поспевает за чувствами, и мы гораздо больше запечатлеваем глазами, ушами, подушечками пальцев, носом, чем серое вещество успевает преобразить в персонажи толстой книги, именуемой энциклопедическим словарём. С возрастом всё наоборот: чувства безнадёжно отстают от мысли, и даже интимные ощущения становятся объектом интеллектуального осмысления.

Последний раз он почивал здесь пятнадцать лет назад, двенадцатилетним подростком. Значит, большая часть его и без того короткой жизни протекала в других стенах.

Сильный запах потянул к окну. Он распахнул его и увидел сидящего в шезлонге отца с раскрытой свежей газетой.

– Ну и горазд ты, братец, дрыхнуть, – произнёс тот без всякой укоризны, скорее с восхищением. – Сразу чувствуется стиль городского лентяя с его привычкой экономить на воскресном завтраке, а то и обеде.

Сентенции родителя не стоило давать развиваться. Поэтому он прервал её вполне естественным вопросом:

– А который сейчас час?

– Начало двенадцатого. Раньше у нас почту не приносят. Давно пора завтракать садиться. Мы с Эммой Леопольдовной уже изголодались.

Традиции дома не позволяли начинать трапезу, пока последний член семьи не изволит осчастливить своим появлением за столом. Так покойная бабушка отучала маленького Севу от привычки долго умываться, одеваться и застилать постель. Взрослые сидят перед пустыми тарелками и чашками и ожидают, пока заберётся на стульчик юное чадо. А тому должно быть стыдно заставлять всех ждать.

– Мог бы и сам меня разбудить.

– Жалко стало. Пусть, думаю, он почувствует себя в старых апартаментах прежним мальчишкой, покой которого можно нарушить лишь с первым скрипом кровати.

– По-моему, всё обстояло не так: меня безбожно поднимали ни свет ни заря, – возразил Всеволод.

– Это тебе только казалось. Сладкий младенческий сон свято охранялся в нашем доме. Будили, когда ты уже начинал ворочаться. Думали, сон страшный снится. Ты же рос очень впечатлительным ребёнком.

Тревожных снов в детстве он практически не видел: жизнь текла ровно и безмятежно. А вот явь оказалась страшнее.

Когда пошёл в шестой класс и впервые ощутил прилив неведомых прежде живительных соков, родители разошлись. Отец покинул их скромную двухкомнатную квартирку в блочной пятиэтажке, и они с тех пор практически не виделись. Во всех бедах мать винила безвольного мужа, чем якобы воспользовалась какая-то Эмма с берегов Балтийского моря, где Ильин-старший частенько бывал в командировках на важном военном объекте. Сама же мать вскоре вышла замуж за морского офицера и увезла Севу против его желания в небольшой южный городишко, где он скучал по своему классу, по Москве, которую в разлуке возлюбил всем своим мальчишеским сердцем. Потом они очутились на Дальнем Востоке, и школу ему пришлось кончать именно там, на каком-то острове, который в одних атласах был покрашен синим японским цветом, а в других – красным советским. Конечно, внушать двенадцатилетнему ребёнку, что у него теперь другой папа, никто не стал, но образ отца постепенно вытравился из сознания, жадно стремившегося к освоению такой непростой действительности. Ушла в прошлое и бабушка, покинувшая земную юдоль как раз в годы скитаний внука по окраинам великой морской державы.

Отчим понимал, что для укрепления семьи ему нужно снискать расположение пасынка. И он методично добивался этого с упорством офицера. В его поведении всегда ощущалась твёрдая и уверенная рука морского командира, ведущего семейное судно сквозь шквалы и штормы. Чувства свои он расточал расчётливо, по принципу разумной достаточности, и на долю Севы приходилось ровно столько, сколько нужно для стирания в памяти знаков внимания родного отца, выражавшихся в поздравительных открытках с изображением скульптурных памятников Москвы (живя вместе, они любили ездить их смотреть) и однообразных подарках в виде книг, увлекательных и пахнувших родным домом. Любовь отчима была искусственной, ничтожно малой по сравнению с отцовской, но ласки не передаются на расстояние, не посылаются по почте, не вмещаются в заказную бандероль. Постепенно новый муж матери возвысился до идеала мужчины, а отец стал ассоциироваться с плюгавеньким старичком-почтальоном, заставлявшим размашисто расписываться при вручении очередной ценной корреспонденции из столицы.

Самое ужасное, что теперь он стал удивительно похож на того самого книгоношу.

2.

Завтракали в саду, под двумя старыми яблонями. Их Всеволод помнил ещё невысокими саженцами, давшими первые нежданные завязи к большой радости матери, боявшейся засорения участка бесплодными деревьями.

Видела бы она, какими красавицами стали они теперь! Ветви сплелись на уровне человеческого роста, образовав причудливую арку, и в ней отец устроил убежище от нещадного солнца. Даже неплохая крыша от морозящего дождика получилась.

Сейчас ни того, ни другого, но сидеть под сросшимися кронами всё равно приятно.

Эмма Леопольдовна принесла на широком расписном подносе тоненькие тостики, ровно нарезанный сыр, три розетки с джемом и три яйца, сваренных всмятку. Потом к ним добавился сок в высоких стаканчиках и аппетитно дымившийся кофе. Для желающих (им оказался только хозяин дома) в середине стола рядом с сахарницей соседствовал молочник.

Всеволод поймал себя на мысли, что давно за ним никто утром не ухаживал, а с такой изысканностью – вообще никогда. Он даже немного позавидовал отцу.

Ритуал принятия пищи происходил, как и всегда водилось в их семье, ещё при бабушке, в полной тишине. Лишь когда последний бутерброд исчез с тарелки, Эмма Леопольдовна нарушила молчание:

– Сева, могу я попросить вас поправить забор? Соседский кобель умудрился выбить одну доску, и они с нашей Альбой валяются теперь на заднем дворе, прямо в мяте. Последствий я

не боюсь: наша девочка надёжно защищена современной ветеринарной наукой. Но, право, не очень приятно наблюдать такие сцены, хотя сад после них благоухает.

Так вот это что! Мята. Удивительное травянистое растение, издающее едкий приятный запах, если её как следует помять. Ну как он мог забыть такое!

– Хорошо, я заколочу доску прямо сейчас, пока не вылетело из головы, – ответил Всеволод мачехе.

– Сделайте одолжение, – не стала возражать она. – Я принесу вам инструменты.

Чередуя попадание по шляпке с ударом в деревяшку, а то и пустоту, Сева вогнал для надёжности целых два гвоздя в тонкую штакетину. Но перестарался зря: доска не выдержала, треснула – хоть новую бери.

Однако он не стал признаваться в своей оплошности: внешне незаметно, разве что недюжинная мощь соседского кобеля, усиленная зовом природы, со временем обнажит допущенную неаккуратность.

Попытка вернуть Эмме Леопольдовне молоток натолкнулась на протестующее покачивание головой:

– Нет-нет, мы сделаем не так: я покажу вам, где он должен находиться, и вы сами положите его на место. У рук есть своя память, и она в нужную минуту подскажет вам направление поиска.

В многословии мачехи сплетались и возрастная любовь к назидательным длиннотам и национальная черта маленького балтийского народа, с которым она хоть и оборвала все нити, переселившись в Россию, но испытывала глубинную внутреннюю связь, обнаруживавшуюся в самых разных проявлениях.

Когда они оказались вдвоём в сарае, казавшемся маленькому Севе гигантским, а на самом деле тесном и заваленном до потолка разным ненужным барахлом, Эмма Леопольдовна взяла его за руку, подчёркивая нетривиальность момента, и негромким голосом, хотя подслушать их никто не мог, заговорила в своей неизменной дидактической манере:

– Простите, что заставила вас выполнять работу, вполне ещё для меня посильную. Но полагаю, вам пора входить в роль хозяина. Вынуждена сказать страшную вещь: Павла Николаевича к следующему лету уже не будет. Единственное, в чём безупречно точна наша медицина, так это в пессимистических прогнозах. Если мне доведётся пережить его, я отсюда уеду. Дача достанется вам, даже при отсутствии необходимых распоряжений с его стороны. Конечно, вы вправе её продать, но я не советую совершать такой опрометчивый поступок. Вам лучше начать обживать этот дом. Он ещё пригодится для следующих поколений. Надеюсь, рано или поздно вы обзаведётесь потомством. Детей в городе растить трудно, без дачи никак не обойтись. Особенно летом. Поэтому ваш теперешний визит разумно использовать не только для отдыха, но и для знакомства с проблемными вопросами будущего хозяйства. Так получилось, что я сегодня знаю их лучше Павла Николаевича. Считаю своим долгом во все посвятить и вас. Вы, наверное, заметили ветхое состояние забора?

Рассказчица, произносившая монолог на едином дыхании, без логических пауз при переходах с одной темы на другую, здесь решила перевести дух, рассчитывая на реакцию собеседника. Но тот не сумел оценить степень износа изгороди и не стал высказываться на сей счёт.

Эмме Леопольдовне пришлось продолжить:

– Его пора менять. По здешним обычаям, это должен делать хозяин южного участка, то есть наша семья. Сейчас сосед не торопит, щадя здоровье Павла Николаевича. Но вам непременно предложит поставить новый. Человек он добрый, сговорчивый, трудолюбивый. Можете попробовать договориться с ним на паритетных условиях: ваш материал – его работа. Он очень любит мастерить и, думаю, согласится. Тем более что заниматься ему на пенсии абсолютно нечем. Штакетник, при желании, пусть набивает с нашей стороны. Если за труды вознаградите его бутылкой коньяка – считайте, дружба на все времена.

– Как с Китаем, – вспомнилось присловье из раннего детства.

– Нет, скорее, как с Финляндией, – поправила обстоятельная Эмма Леопольдовна, едва ли слышавшая лозунг двадцатилетней давности в своей тогда ещё наполовину буржуазной республике.

Затем последовал такой же нудный рассказ о других узких местах хлопотного хозяйства: расширительном бачке отопительной системы, требующем периодического долива воды и особого глаза в сильные морозы, колодце для нечистот, наполняющемся доверху раз в три года, разных вентилях и кранах, имеющих обыкновение подкапывать, особенностях крыши, протекающей по весне, если не счистить вовремя образовавшуюся за зиму налесь на шифере, отдушинах под домом и террасой, то раскрываемых в начале лета, то затыкаемых перед началом морозов.

– Эмма Леопольдовна, – взмолился уже забывший большую часть сказанного Всеволод, – это невозможно запомнить на слух.

– Хорошо, – согласилась та. – Я вам составлю письменную памятку. А сейчас идёте в дом. Павел Николаевич может заподозрить что-нибудь неладное.

3.

Отец встретил их на террасе, на ногах, в радостном возбуждении. В руках он держал старые любительские фотографии, расплывчатые и белёсые, словно их вымочили в молоке.

– Хочешь посмотреть на себя маленького?

У матери его ранних снимков почему-то не сохранилось. В и без того ущербном детстве Севы это было ещё одним болезненным изъяном. Во всяком случае, сам он довольно остро переживал невозможность восполнить естественные пробелы младенческой памяти целлулоидными картинками, с несомненной подлинностью запечатлевшими первые этапы его жизни. Возможно, и здесь постарался предусмотрительный отчим.

Риторический вопрос отца остался, разумеется, без ответа, по принципу: молчание – знак согласия. Мужчины удалились в кабинет, где Павел Николаевич развязал дрожащими руками бантик на ленточке, крест-накрест охватывавшей семейные реликвии, и начал переключать стопку, сопровождая необходимым комментарием, иногда явно избыточным:

– Здесь ты ещё не держишь головку.

– Тут уже сидишь.

– А вот и встал в манежике.

На Всеволода смотрело совершенно незнакомое дитя. К тому же и интерьеры ничего ему не говорили. С таким же успехом отец мог выдать изображения за свои. Но, по мере появления на лице ребёнка первых следов интеллекта, он начал узнавать в малоулыбчивом карапузе себя и даже припоминать отдельные детали: комбинезон в полоску, шапочку, послужившую не один сезон, любимую мягкую игрушку, изображавшую персонажа сказки Шарля Перро.

Постепенно интерес стали вызывать окружавшие люди. Некоторых он помнил хорошо, как, например, бабушку, строгую, но очень его любившую, других смутно, третьих лишь по именам, четвёртых вообще никак. Такая неосведомлённость о ближайших родственниках сильно удручала отца:

– Разве можно забыть тётю Лёлю?! Да на неё вся Москва засматривалась, когда она шла по улице. Это же одна из последних учениц Вахтангова. Она даже в «Принцессе Турандот» небольшую роль играла.

Или:

– Неужели ты не знаешь дядю Володю?

– А кто он?

– Мой двоюродный брат. Между прочим, лауреат Государственной премии.

– В какой области?

– Владимир Владимирович – известный инженер. Работал в сфере оборудования для строительной индустрии. Усовершенствовал технологию изготовления шифера.

– Почему же тот весной позволяет воде течь вспять, снизу вверх, и протекать на потолок, – вспомнив рассказ Эммы Леопольдовны, решил проявить осведомлённость Сева.

– Кто тебе сказал? – насторожился отец.

– Да все жалуются. Приходится ездить зимой на дачу и сбрасывать с крыши снег.

Отец на мгновение призадумался:

– Конечно, это не самый лучший материал. Но очень экономичный.

– Очень канцерогенный. Самый дешёвый способ...

Произнеся фразу до середины, когда мысль, ещё не высказанная, легко угадывалась даже слабоумным, Всеволод внезапно почувствовал, что говорит чудовищную бестактность. Он запнулся, покраснел и после предательской паузы, выдавшей охватившее его чувство неловкости, виртуозно закончил эвфемизмом:

– ...создать лишние проблемы.

Отец заметил его заминку, но виду не подал. Более того, самокритично добавил:

– Да, я тоже зря собирал дождевую воду с крыши для мытья посуды и полива огорода. Но, сам знаешь, какая у нас ржавчина льётся из водопровода. Зато теперь берём из своей скважины. Чистую и вкусную.

Исправить взаимное смущение мог только неожиданный сюжетный поворот. Сева беглым взором охватил разложенные веером снимки и ткнул пальцем в показавшееся ему знакомым лицо:

– А этого я, кажется, знаю.

– Ещё бы, – усмехнулся отец, – наверное, гораздо лучше меня.

Реплика прозвучала двусмысленно. Пытаясь разгадать её подтекст, Всеволод понял, что допустил новую оплошность: между мамой и папой, державшим его, четырёхлетнего, на шее, стоял широко улыбающийся отчим, более молодой, чем в момент переезда в их старую московскую квартиру.

– Неужели Василий Никанорович? – непроизвольно вырвалось у него.

– Увы, в Шерлоки Холмсы ты не годишься, – покачал головой отец. – И в Штирлицы тоже. Это действительно Вася Тимофеев, мой старинный приятель. Снято на этой самой даче в день, резко изменивший жизнь нашей семьи.

Так вот оно что! Значит, мать обманывала мужа без малого лет десять. А он терпел, видимо, из-за него, своего единственного отпрыска. Да, случись родителям разойтись уже тогда, он бы сейчас и отца родного на фотографии не признал. И любящую бабушку не отличил бы от служанки принцессы Турандот.

Догадавшись, что мысли сына устремлены в другом направлении, Павел Николаевич сказал:

– Вряд ли ты сумеешь всё запомнить. Давай-ка я лучше напишу карандашом на обратной стороне год, место и имена изображённых. И вставлю снимки в альбом. А ты уж, пожалуйста, его храни.

4.

Наутро Всеволод встал пораньше и украдкой от Эммы Леопольдовны пошёл проверить, не отвалилась ли неумело прибитая им штакетина.

Мятой больше не пахло, но угроза вторжения чужого пса сохранялась, стоило ему своим собачьим чутьём заметить держашуюся на честном слове доску.

К счастью, кобелиный дух пока дремал. Убедившись в этом, Сева хотел было вернуться в дом, но, уворачиваясь от ветвей росшей рядом вишни, сделал шаг не влево, а вправо и очутился лицом к другому забору, обозначавшему границу с тыловыми соседями, чей участок выходит на другую улицу. Интересно, а кто отвечает за эту изгородь? Ведь по фасаду каждый ставит сам, а сзади, очевидно, приходится делать это пополам. Почему же Эмма Леопольдовна ничего ему не сказала?

Он решил проверить состояние ограды.

Едва приблизился к ней, как в памяти всплыл эпизод его последнего года на даче. В ту весну мальчишки-одноклассники посвятили его, отсталого незнайку, в тайну различия полов. Конечно, он и раньше замечал, что мужчины и женщины устроены немного по-разному, но не придавал значения отдельным несовпадавшим деталям. Оказывается, они потому и разные, чтобы иногда с о в п а д а т ь, доставляя друг другу массу удовольствия. Якобы от таких *совпаданий* и рождаются дети. Насчёт удовольствия Сева усомнился – очень уж противной показалась ему описанная похабными словами процедура: от неё, скорее, вытошнит. А в единственную причину детопроизводства и вовсе не поверил. Тогда, получается, столь мерзким делом должны были заниматься и его родители. Нет, они же интеллигентные люди, они на подобную гадость не способны! И потом: детей имели и Пушкин, и Толстой, и даже Пётр Первый. Неужели великие личности могли позволить себе грязное и постыдное занятие? Рассказанная версия способа продления рода означала для него крах веры в человеческую чистоту и порядочность, и он не мог её принять. Но интерес к противоположному полу она всё же разожгла. Оказавшись как-то наедине с восьмилетней Таней, жившей напротив, он по-дружески попросил её, гулявшую в одних трусиках, их снять, пообещав взамен сам сделать то же. Таня категорически отказалась, заявив, что обязательно пожалуется родителям на обнаглевшего мальчишку. Сева не понял причины её гнева, но ещё сильнее захотел увидеть голенькую девочку.

И вот однажды, забравшись в малину, росшую вдоль заднего забора, он заметил на соседнем участке малышку, расхаживавшую без всякой одежды. Ребёнку было годика три-четыре, не больше, но даже такая кроха возбуждала его любопытство. Он тихонько позвал её. Она подошла и остановилась метрах в пяти от изгороди:

– Тебе чего надо?

– Хочу тебя ягодками угостить.

Польстившись на горсть малины, девчушка приблизилась вплотную, дав возможность любознательному исследователю внимательно рассмотреть устройство той части её тельца, которая обычно скрыта для глаз, и даже потрогать её, не вызвав никакого протеста. Малейшего прикосновения оказалось достаточно, чтобы двенадцатилетний мальчишка ощутил изменение своего мужского естества. В ту минуту он поверил, что рассказанное одноклассниками может вызывать удовольствие.

Вспомнив эту историю, Всеволод заглянул за забор и обомлел.

Из соседнего дома в одних трусиках вышла девица лет восемнадцати с тазиком, полным свежевывстиранного белья, и начала развешивать его. Взор её, естественно, был устремлён вверх, и она не могла заметить подглядывающего. Тот от неожиданности аж присел на корточки и замер. Лицо девушки рассмотреть не удавалось, поскольку она то наклонялась взять очередную вещь, то запрокидывала голову, чтобы держать в поле зрения высоко натянутую верёвку. Зато отчётливо виднелась её нагая грудь, казавшаяся большой, если нависала над тазом, совсем мальчишечьей в момент набрасывания мокрого белья на выбранное для него место и едва заметной, когда незнакомка приподнималась на цыпочки и тянулась ввысь. Выдавали пол только изюминки сосков, неизменно стремившихся кверху.

Впрочем, незнакомка ли? Может, это та самая девчушка? По возрасту вроде бы подходит. Конечно, она уверена, что никто её в таком виде не заметит. Собственно говоря, наблюдать

можно лишь с их участка, а здесь, она знает, живут только старик со старухой. Первый еле ходит, а вторая плохо видит, да и чего её стесняться.

Покончив с бельём, юная соседка скрылась, а через несколько минут выпорхнула уже в закрытом купальнике и отправила на ту же верёвку бывшую на ней перед этим нижнюю деталь бикини. Видно, выстирала в последнюю очередь.

Продолжать наблюдение становилось бессмысленно.

За завтраком Эмма Леопольдовна похвалила Всеволода за избавление от кобелиной интервенции и попросила принести из лесу ведёрочко торфа для подкормки любимых цветов:

– Это мне действительно уже трудно самой, – пояснила она.

По дороге в лес его догнал Валерка, живший через две дачи.

– Севка! Какими судьбами?

В старые времена мальчики считались приятелями: не только играли вместе на улице, но и ходили друг к другу домой сразиться в шахматы, шашки, подкидного дурака или, что им нравилось больше, погонять блестящие металлические шары по обтянутой синим сукном поверхности Севиного бильярда, хоть и небольшого, но имевшего все шесть луз.

Всеволод не столько узнал, сколько догадался, кто перед ним. Валерка, бывший на год моложе, сильно сдал, обрюзг, нарастил живот и даже слегка полысел.

– Приехал к отцу погостить, – ответил Сева другу, пожимая ему руку. – Ты-то как? Институт окончил? Семья есть?

– С первым всё в порядке: тружусь старшим инженером в НИИ. Со вторым пока никак. А у тебя?

– Чуть успешней в каждом направлении. Числюсь в очной аспирантуре, весной должен защищаться. Женат, но киндером пока не обзавёлся.

– Надолго в родные пенаты?

– На две недельки. На время олимпиады. Жену обязали работать с одной из зарубежных делегаций и даже поселили в гостиницу. Вот я решил воспользоваться моментом и исполнить сыновний долг.

– Отлично. Как раз с концом моего отпуска совпадает. Тряхнём стариной?

Валера был страстным велосипедистом. Иногда они уезжали вдвоём в такие дали, что дух захватывало. Однажды укатили к соседней железной дороге. Станция вроде бы так же называется, как соседняя с ними, но платформа совсем другая. Сева сильно испугался, а приятель его успокоил:

– Не волнуйся. Я всё изучил по карте. Отсюда до нас по прямой всего десять километров. С разными поворотами и изгибами, считай, двенадцать. За час доберёмся до дома.

Основательно поплутав, они вернулись через два часа, опоздав к обеду и получив нагоняи от родителей. Но впечатлений осталось на всю жизнь.

– Да у меня и велика нет, – посетовал Всеволод.

– Пустяки. Поедешь на моём. У меня их три: два дорожных и полугоночный.

Условившись на следующий день стартовать ровно в девять, друзья распрощались до утра.

5.

Однако выпало им повидаться раньше.

После обеда, когда отец с мачехой прилегли отдохнуть, Всеволод решил ещё раз заглянуть за соседский забор. Уже на подступах к нему услышал он голоса, один из которых, мужской, показался ему знакомым:

– Извини, Леночка, но на гимнастику достать не удалось. Может быть, съездим вместе в Крылатское?

- На греблю?
- Нет, на велотрек. Посмотреть гит на один километр.
- Что это такое?

Сева подкрался ближе. Так и есть! Юную соседку, на сей раз одетую в майку и шорты, обхаживал его друг Валера.

- Это специальный заезд на время. Все участники по очереди едут три круга.
- Наперегонки?
- Нет, по одному.

– И что же там смотреть: едут и едут.

– Да, но время у всех разное.

– У них разное, а у меня одно: своё и занятое более важными делами, чем глазеть на их мелькание.

В роли ухажёра Валера со стороны смотрелся явно смешно. Всеволод поспешил прийти на помощь.

– Привет, молодёжь! – крикнул он из-за ограды, положив подбородок на заострённую макушку штaketника.

Приятель явно удивился, увидев его. Соседка ещё больше:

– Кто это?

Сева решил пойти ва-банк:

– Леночка, неужели ты меня не узнаёшь? А ведь пятнадцать лет назад мы с тобой дружили.

– Пятнадцать лет назад мне было четыре годика, – тон ответа недвусмысленно давал понять, что такой способ знакомства ей неприятен.

– Правильно. А мне – двенадцать. Я угощал тебя малиной. И ты её с удовольствием уплетала за обе щёки.

– Не помню. (Прозвучало как: «Отвяжись!»)

Валера не выдержал и вмешался:

– Это же Сева, сын Павла Николаевича. Он не был тут пятнадцать лет.

– И где же его носило? – девица задала вопрос в третьем лице, поскольку не знала, как в таких случаях нужно обращаться к человеку: на ты или на вы.

– По берегам пустынных волн. От Крыма до Курил, – ответил сам Всеволод.

– Надеюсь, не на велосипеде.

«А ты язва! – подумал Ильин про себя. – И не очень-то здесь большие шансы, видать, у нашего друга».

– Между прочим, он оканчивает аспирантуру и уже женат, – сказал зачем-то Валера.

– Совершенно верно, – подтвердил Сева. – Посему на руку и сердце не претендую.

– Можешь дальше не объяснять: я прекрасно знаю, на что претендуют женатые мужчины, – избрала наконец форму обращения Лена.

Всеволод успел присмотреться к ней. На секс-бомбу не тянет, но что-то пикантное явно есть. Задиристость в поведении вполне соответствует фигуре: элегантной, спортивной, с длинными тонкими ногами и средних размеров бюстом (оценить его объективно оказалось проще в одежде). Короткая стрижка обрамляла волевое лицо с живыми, постоянно вращающимися глазами. Картину немного портил рот, довольно большой и чрезмерно чувственный. Обычно мужчины боятся такого: он олицетворяет способность проглотить кого угодно с потрохами. Но чтобы подобный женский тип вызвал вождление, достаточно хотя бы малейшего проявления интеллекта с её стороны. Тут, судя по готовым репризам, он бил фонтаном остроумия, как из целой команды почившего КВН.

Разобраться в их отношениях с Валерой в коротком обмене репликами через забор было делом бесполезным. Но, на первый взгляд, вырисовывался вполне банальный расклад: он выпускает павлиньи пёрышки, а она, орлица, норовит клюнуть при первой же возможности.

Такая расстановка сил вселяет оптимизм. Надо попытаться счастья. Но как?

Ход вроде бы за ним. Не тратить же его на перепалку с новоявленной Катариной. Надо срочно сменить пластинку. И собеседника:

– А ты пригласил свою подругу отправиться с нами в путешествие?

– Да разве она согласится, – сокрушённо ответил привыкший к отказам ухажёр.

– Что ещё за путешествие?

Кажется, рыбка клюёт! Однако играть надо по её правилам:

– Мы собираемся завтра съездить на велосипедах к Чёрному морю и вечером вернуться.

– Если в Сочи или Ялту, я ещё подумаю. В Анапу и «Артек» можете не стараться: уже не девочка.

– Мы собираемся в Варну, на Золотые Пески.

– Увы, у меня кончилась виза.

– Визу я беру на себя.

Ага, попалась! На каждую Катарину есть свой Петруччо.

– Хорошо, но при условии, что мне на себя брать ничего не придётся. Толстокожий Валера истолковал ответ на бытовой лад:

– Конечно, Леночка. Твоё дело только крутить педали своими восхитительными ножками. Мы и накормим, и напоим, и техническое обслуживание обеспечим.

– Значит, на юг?

– На север, – глубоко вздохнув, ответил Валера.

– Ладно. Но не завтра, а послезавтра. Завтра не могу.

– Хорошо, – согласился приятель сразу за двоих. – Отъезд в девять ноль-ноль от моего дома.

Мог бы и спросить! Впрочем, какая разница: днём раньше, днём позже... Главное, что втроём.

– Нет, от моего, – поставила точку Лена.

6.

За очередным завтраком Эмма Леопольдовна попросила помочь ей разобрать чердак:

– Павлу Николаевичу туда уже не забраться, а мне одной тяжело ворочать накопившиеся годами залежи.

Всеволод сразу догадался, что эта просьба тоже имеет двойной смысл. И не ошибся.

– Молодая хозяйка, с которой, я надеюсь, вы меня скоро познакомите, может не придать значения ценности и назначению некоторых предметов и совершить непоправимую ошибку. Новая метла не просто метёт по-новому – она имеет обыкновение выметать вместе с лишним и нужное, – начала издали Эмма Леопольдовна. – Давайте вместе на трезвую голову устроим ревизию этого склада.

Оказалось, что на чердаке скопилась домашняя утварь нескольких поколений. Обычно такое выкапывается из земли. Здесь же эпохи слоились не вглубь, а ввысь.

От родителей бабушки, перешедших в мир иной вскоре после революции, остался сундучок. Не сундучок даже, а сундучище! Сева видел его и раньше, в раннем детстве, но никогда не заглядывал внутрь. Да и не смог бы при всём желании: на кованой крышке всегда висело два здоровенных замка. В сочетании с выпиравшей посреди ручкой от ремня, которым было поперёк перехвачено это вместилище старья, они напоминали два закрытых глаза с вытянутым

носом. Такое зрелище всегда пугало ребёнка, и он не испытывал поэтому никакого любопытства к содержимому.

Вещи бабушки хранились в сундучке, а остальное пространство занимало добро, нажитое родителями: тут валялись и керосинка с керогазом, и форма для пирогов, именовавшаяся почему-то «чудом», и обыкновенный утюг, нагреваемый на огне, и многое другое, устаревшее если не физически, то, в любом случае, морально.

Всеволод приготовился было к погрузке всего этого хлама в тачку, служившую ладьёй Харона для неживой материи, но Эмма Леопольдовна вторглась в его планы новым монологом:

– Я не очень набожная женщина. Моя конфирмация пришлась на время между двумя оккупациями. Сами понимаете, как мы тогда к ней готовились. Но я верю в одну истину собственного сочинения: душа человека продолжает жить на земле в его вещах. Глядя на этот сундук, вам легче вспомнить свою бабушку и даже представить никогда не виденных её родителей. Пока здесь эта керосинка, вы легче ощущаете незримое присутствие своей мамы, дай Бог ей здоровья, не говоря уж о бесконечных поделках Павла Николаевича, с помощью которых дольше сохранится в доме память о нём. Я не призываю вас оставить всё: давайте отберём наиболее важное. Некоторые предметы смогут впоследствии заинтересовать даже музеи: мало кто держит теперь утварь послевоенных лет. В общем, отнеситесь к этому складу философски. А я помогу аккуратней и компактней всё разложить.

Устоять против железной логики мачехи, преисполненной к тому же искренней доброжелательности, он не смог. Так были спасены подвенечное платье прабабки, трость прадеда, бабушкины безделушки, большая часть родительской ветоши, кроме сломанной или практически бесполезной, типа электротрансформатора для подключения приборов с расчётным напряжением в 127 вольт к 220-вольтной сети.

И всё-таки набралось немало и на выброс, аж на две полные тачки.

– Эмма Леопольдовна, – не без робости поинтересовался Сева, – а что-нибудь из ваших личных вещей здесь остаётся?

– Конечно. Двенадцать лет – срок немалый. Есть и моё. Но я постараюсь замести свои следы. Разве что напольные часы оставлю вам в подарок. На них вряд ли поднимется рука даже у вашей супруги: изделие дорогое, антикварное. Правда, куплено в комиссионном магазине и духа прежних владельцев поэтому не хранит.

– Вы хотите вернуться на родину?

– Да. Хочу умереть в своей стране.

– У вас там есть родственники?

– Представьте себе: ещё жива моя мать. Старушке далеко за восемьдесят. Сейчас за ней присматривают брат и его семья. Но невестка, какой бы та ни была, не может заменить родную дочь.

Всеволод быстро прикинул в уме возраст мачехи: если она достигла совершеннолетия в начале сороковых, значит, ей сейчас нет и шестидесяти. Да с её умением вести дом она и в третий раз замуж выйдет.

– Надеюсь, наши общие с Павлом Николаевичем фотографии тоже останутся целы. Кстати, часть их я, с вашего позволения, заберу.

– Конечно.

У него чуть не вырвалось: «Берите хоть все!», но в последний момент он прикусил язык. Как опасны всё-таки непродуманные порывы души, даже благие!

Двенадцать лет. Значит, первые три года отец жил один. Вот вам и соблазнительница с балтийских берегов! Вот вам и разрушительница семьи!

– Скажите, а как вы познакомились с папой?

Тактичней такой вопрос задать самому отцу. Но Эмма Леопольдовна не смутилась. Лицо её заметно просветлело. Она словно помолодела на мгновение:

– Совершенно случайно. Я работала на почте. И помогла ему уладить кое-какие сложности с отправкой в приграничную зону ценной бандероли. Кстати, бандероль адресовалась вам.

– Да, там была какая-то книга.

– Не какая-то, а довоенная. Следовательно – антикварная. Полагаю, она цела?

– Безусловно. Все отцовские подарки я хранил как зеницу ока. Даже одноклассникам читать не давал.

– Вот видите, значит, вы тоже придерживаетесь моей веры в магическую связь неживых предметов с живыми людьми.

Всеволоду ничего не оставалось, как согласиться с этим несколько странным утверждением.

7.

Вечером Павел Николаевич позвал сына к себе.

– Знаешь, я как-то неловко чувствую себя после вчерашнего. Поверь, совсем не хотел раскрывать тебе глаза на нашу семейную тайну да забыл об этой предательской фотографии. Если б ты не обратил на неё внимания, я не стал бы ничего говорить. Но ты опознал его сам.

Сева не стал расстраивать родителя: конечно, он не узнал отчима. Просто отдельные черты лица показались ему знакомыми. Однако определить по ним самого человека он бы не смог.

– Не расстраивайся, – утешил он отца, – рано или поздно я всё равно бы догадался. Например, сегодня Эмма Леопольдовна проговорила, что живёт здесь всего двенадцать лет. Получается, ты на какое-то время оставался один.

– Конечно, – мгновенно отреагировал Павел Николаевич. – А у тебя были другие сведения?

– Мне постоянно внушали, что появилась разлучница из Прибалтики и лишила меня отца.

– Какая чушь! – невольно вырвалось у старика. Но, спохватившись, он попытался выправить положение: – Нет, я ни в чём не виню твою мать. Любовь – великая вещь. Испытавший её магию не может не оценивать силу этого чувства у других. Что поделать, если человек сумел пережить сильную страсть дважды. Она, бедняжка, мучилась целых восемь лет. Это, может быть, продолжалось бы и дольше, но Василия перевели по службе на юг.

– Ты знал... раньше?

– Я знал всё с самого начала. Она и не скрывала. Да разве скроешь сверкающие от счастья глаза! Как они сейчас?

– Всё так же. Постепенно превращаются в Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну.

– Вот видишь, насколько правильно распорядилась судьба! Я бы не смог стать ей опорой в старости. Дай Бог Васе её пережить, хоть он и старше. Но ты его не бросай.

– У него же дочь от первого брака.

– Неважно. Если он скрасит последние дни твоей матери – будешь обязан облегчить ему конец жизни. Тем более что я у тебя много сил не отниму.

– Ой, папа, давай не будем... – начал было Всеволод.

– То есть как это не будем! – рассердился Павел Николаевич. – Судьба посылает нам шанс, а мы его отвергнем! Нет, дорогой мой, во всём нужна ясность. Итак: немедленно меняем квартиры. Не хочу оставлять площадь государству. Эмма Леопольдовна уже подыскивает варианты. Скоро ознакомит тебя с первыми предложениями. Помни: здесь тянуть опасно. Главное – вовремя оформить. Меньшего ты всё равно не получишь. Мучить вас с женой своим присутствием я не буду. Постараюсь прожить как можно дольше здесь. Потом меня обещали устроить в больницу. Так что судно выносить тебе не придётся.

– Разве ж дело в горшках? – попытался прервать его обескураженный Сева.

– И в них тоже. С великим и возвышенным всегда проще, чем с обыденным и низменным. Скоро ты это поймёшь. Но, к нашему общему счастью, есть Эмма Леопольдовна. Сорок дней её не подгоняй, дай спокойно собраться. Предупреждаю заранее: все мои денежные накопления останутся ей: сам понимаешь, обживать новое место всегда нелегко. Мать свою, если будет рваться ко мне, удержи. Мы уже с ней один раз простились. На похороны пусть приходит.

Слушать такое было ужасно, невыносимо. Особенно, когда в голове завтрашняя поездка в компании юной красавицы и возможное продолжение знакомства. Но мешать отцу высказаться до конца он больше не смел.

– Обязательно пригласи своего троюродного брата Андрея. Это сын Владимира Владимировича, лауреата. Он меня иногда навещает и каждый раз поздравляет с днём рождения. Очень приличный человек. Ему чуть больше тридцати. Хочу, чтобы вы поддерживали отношения. Надеюсь ещё успеть вас познакомить. Прабабка и прапрадед, чьи вещи в сундуке наверху, у вас общие. Сейчас тебе их покажу.

Павел Николаевич встал, подошёл к этажерке, взял большой толстый альбом.

– Вот они. И вообще здесь самые ценные фотографии. Дубликаты и малозначительные снимки лежат в большом пакете. Сзади я их все подписал. С пакетом поступай как знаешь, а альбом обязательно передай детям. Своим или кузена Андрея. Когда кончится этот фестиваль, позови, пожалуйста, сюда Ольгу...

– Олимпиада, а не фестиваль, – поправил Сева.

– Неважно. У меня всё время в голове то событие. Как раз тогда чёрт надоумил меня пригласить Василия. – Павел Николаевич тяжело вздохнул и моргнул два раза, видимо, пытаясь удержать слезу. – Так о чём я? Ах, да. Привези мне жену. Я должен передать ей бабушкино кольцо. Оно переходит в нашем роду по женской линии. Твоя мать вернула мне его перед отъездом. Сама. Это был достойный поступок. Ещё раз прошу: ни в чём её не вини. И если тебе выпадут такие испытания – веди себя по-мужски. Знай: мы можем обуздать свои чувства и даже должны это делать. Женщины – нет. Так заложено природой. За продолжение человеческой жизни отвечают они. Этот инстинкт определяет очень многое. Красивые и умные дети рождаются только от большой любви. Тяга самки к самцу обусловлена, прежде всего, выбором отца ребёнка. Брак без любви чаще всего остаётся бесплодным, если, конечно, жена верна нелюбимому мужу.

Всеволод, следуя за мыслью отца, сразу обнаружил несоответствие между его наблюдением и реальной жизнью:

– А как же мама и Василий Никанорович? По твоей версии, я должен был иметь массу братьев и сестёр, но так и остался один.

По левой щеке Павла Николаевича скатилась вырвавшаяся всё-таки наружу одинокая слеза.

– В том-то вся и трагедия, что любила только она, – не без труда выдавил из себя он. – Восемь лет я пытался внушить ей это. Но она оставалась слепа. Вот Бог им детей и не послал.

Почувствовав своим атеистическим нутром опасный поворот диалога, Сева не самым вежливым образом поспешил переключиться на другую тему:

– Мы завтра с Валеркой едем кататься на велосипедах. С утра. Ты не возражаешь, если я позавтракаю один?

– Во сколько тебе вставать?

– В восемь.

– Я просыпаюсь намного раньше. Завтракать в половине девятого нам с Эммой Леопольдовной будет намного привычнее, чем в половине двенадцатого. Да и без моей помощи вряд ли ты поднимешься в такой час.

Да, подумал про себя Всеволод, ради поддержания семейных традиций отец вскочит и с петухами. Настаивать на трапезе в одиночестве он не стал.

Павел Николаевич принял вопрос сына за намёк на желание пораньше лечь спать перед утренней поездкой и даже обрадовался: разговор растравил душу и начинал доставлять ему лишние страдания.

На том беседа и оборвалась.

8.

Выехали ровно в девять. Облачное небо оставляло надежды как на ясный день, так и на дождливый: никто из путешественников не возражал бы против небольшого естественного душа. Ливень – тоже не страшно: он долго не бывает, его можно переждать под полиэтиленовой накидкой (зонтов и палатку они брать принципиально не стали).

Оставив в стороне Бисерово озеро, ровно через час въехали в большой рабочий посёлок – тёзку своего дачного. Общий топоним нередко приводил к путанице, и, бывало, приходилось объяснять незадачливому путнику или автомобилисту, что он аж в десяти километрах от разыскиваемого дома. Ошибалась и почта, особенно, если на конверте не указывался район, разный у каждого из населённых пунктов. Кроме названия, ничего их не объединяло: завод и фабрика в одном, тишь, гладь да Божья благодать в другом.

Дальше дорога упиралась в забитую грузовиками магистраль – бывший Владимирский тракт, обильно политый слёзами и в давние времена, и в октябре сорок первого, во время панического бегства из столицы находившихся в полном неведении о продвижении нацистских войск москвичей. Велосипедисты сочли опасным и неприятным двигаться по оживлённой магистрали и свернули на параллельную грунтовую дорогу. Зачем дышать выхлопными газами?

Вскоре пересекли шоссе, углубились на север и уже к одиннадцати были в Монине, городе отважных лётчиков, а там и до Клязьмы рукой подать.

Переходили речку по висячему мосту. Ох, как дух захватывает! Особенно, когда спускаешься к нижней точке своеобразного гамака. Вторая половина пути даётся немного легче.

Первую остановку сделали в Глинках, где и проявилась краеведческая эрудиция Валеры: – В середине семнадцатого века приехал в дикую Московию искатель славы Виллим Брюс, потомок шотландских королей. Поступил на военную службу. Здесь же родил сына Якова. Мальчик пошёл по стопам отца и в тринадцать лет присоединился к потешному войску юного царя Петра. А тут Крымский и Азовские походы начались. Отличился на них лихой молодец. Только с юга армия вернулась – Северная война грянула. И здесь бравый генерал на высоте. Пётр его сильно полюбил, в графское достоинство возвёл да именице к сему пожаловал. На месте слияния Клязьмы и Вори.

Строение генерал-фельдцейхмейстер, то бишь начальник артиллерии, соорудил скромное, двухэтажное, с двумя боковыми флигелями. Но в оформлении постарался на славу: разбил стены пилястрами, расположив между ними по обоим фасадам – дворовому и садовому – лоджии на аркадах, украсил наличники, повелев высечь карикатурные маски. Хоть род его с сумрачных Британских островов, стиль любил южный, итальянский, модное тогда барокко.

За домом граф устроил липовый парк с прямоугольным прудом. Однако дорожки и аллеи получились у него не прямые – витиеватые. А всё потому, что был Яков Брюс не только военным, не только сенатором, не только тонким дипломатом, не только президентом Берг- и Мануфактур-коллегий, но также известным масоном и чернокнижником. В Москве, на Сухаревой башне, неподалёку от собственного дома, устроил он первую в России обсерваторию, откуда наблюдал за звёздами и где писал трактат о том, как примечать потемнения солнца. За это все крестьяне в округе колдуном его почитали, усадьбу стороной обходили.

Вот и мы так поступим. Не станем на графские развалины взирать, а поднимемся вверх по речке Воре.

– Откуда такое странное название? – поинтересовалась Лена, впервые посмотрев на рассказчика если не с восхищением, то с уважением.

– Из древней старины. Жил здесь, по преданию, известный разбойник Чуркин. В местных хвойных лесах со своей воровской шайкой промышлял. В память о нём и река зовётся Ворей.

Выглянуло солнце. С ним и ехать веселей. Всеволод и Лена скинули с себя куртки, остались в одних футболках. Валера отнёсся к небесным переменам с недоверием, мол, ненадолго всё это, и разоблачатся не стал.

Но налегке педали крутятся куда быстрее. Завязтый велосипедист уже отстаёт от друзей. Те Пятково оставили за спиной, а он ещё в Савинках, те Авдоткину машут рукой, а он только мимо Пашуково проезжает. Впереди мрачная высокая постройка. Надо ждать доморощенного экскурсовода:

– Не знаешь, что это? – Ильин показывает на каменные стены вдали.

– Берлюковский монастырь, – поясняет добровольный гид. – Сейчас там психиатрическая больница. Лучше её объехать.

– Боишься, за своего примут? – язвит Лена и припускается что есть мочи. Сева за ней. Обиженный Валерка снова отстаёт.

Скоро четыре часа, как они в пути. И всё это время идёт подспудное соперничество за сердце юной девы. Та резво мчится по любой дороге, озадачивая своей проворностью. Поспевает за ней лишь Всеволод. Друг его в скорости явно проигрывает. Но знание местности, умение проложить маршрут и рассказать какую-нибудь байку шансы уравнивают.

Ильин события не торопит, да и сам не спешит. Отпускает спутницу немного вперёд, чтобы видеть её колышущиеся в седле плотно обтянутые ягодицы. Не просто видеть – любоваться. Попка маленькая, тугая – сплошное загляденье. Так и влюбляются некоторые нестойкие натуры.

За Авдоткиным Воря впритык подступает к дороге, а потом делает небольшой изгиб. Огненный шар с небесной выси достаёт своими лучами сверкающих спицами беглецов. Так и хочется спрятаться от него куда-нибудь. А куда, если не в воду?

Лена энергичней нажимает на педали, основательно отрывается от преследующего её Севы и съезжает с асфальта. Валера настолько позади, что ему её манёвра не видно.

Подъехав вплотную к берегу, она спрыгивает с велосипеда, скидывает обувь и в три приёма освобождается от всего остального. Вокруг никого – можно и не стесняться.

Подоспевший Ильин, зачарованно глядя на скрывающиеся в воде бледные ягодицы, делает то же.

Вплавь он её догоняет быстро и, словно невзначай, касается рукой бедра. Девушка останавливается и поворачивается на спину.

– Будем ждать этого пентюха? – спрашивает она.

Нет, третий здесь явно лишний. Пусть это останется их тайной. Но Всеволод отвечает дипломатично:

– Как хочешь.

– Я думаю: не стоит, – слышит он.

Это не просто ответ – это признание, это призыв. Он подплывает к Лене и топит её губы своими. Ей не остаётся ничего другого, как обвить его голову руками. На мгновение оба оказываются под водой, но тут же выныривают.

– Ты что, тоже сумасшедший? – шепчет Лена. Но не с осуждением, а с явным одобрением. – Нам пора. А то ещё увидит.

Они выскакивают на берег и спешно одеваются. Севе удаётся рассмотреть её всю. Да, за такими статями и на дно океана уйдёшь!

Только они впрыгивают в седло и выезжают назад на дорогу, Валера тут как тут:

– Вы чего, ребята?

Мокрые волосы выдают в прямом смысле слова с головой.

– Решили Вору на вкус попробовать, – молниеносно реагирует Лена.

– Ну и как?

– Нечто среднее между настоем опилок и холодным супом из поганок.

– Всё ясно, – заключает отставший предводитель, – пора устраивать привал. И ваша шевелюра заодно просохнет.

Конечно, пора. Уже почти час. Приближается время обеда.

Еду они взяли с собой. Ели всухомятку, если не считать нескольких глотков домашнего сока. С жидкостью друзья жестоко просчитались: пить хотелось отчаянно.

– Где будем пополнять наши походные фляги? – спросил Ильин.

– Два варианта: либо сворачивать в Монино, либо махнуть в Черноголовку. Знаешь такое место?

Вопрос адресовался Севе. Ему ли не знать! Сколько раз бывал там по своим аспирантским делам.

– Разве мы так близко от Черноголовки? – удивился он.

– Метрах в ста отсюда, возле поворота на Громково, прямая трасса. По ней – километров двенадцать. За час доберёмся.

– Нечего и думать, – двусмысленно начала Лена, но затем её желание прояснилось: – Я там никогда не была, а звучит заманчиво, будто Африка какая-то. Вперёд в Черноголовку!

И снова закрутились педали, засверкали спицы. Всеволод ехал теперь рядом с девушкой. Их недолгое купание словно сломало стоявший между ними забор, и со стороны они смотрелись даже не влюблённой, а супружеской парой.

В научный центр друзья попали без четверти три. Тут уже в роли гида выступил Ильин, знавший все институты и прочие служебные постройки. Последний козырь Валерки оказался битым.

Домой они вернулись почти в семь, сделав вынужденную остановку у пятковских колодезцев: запас бочкового кваса, купленного в городке учёных, иссяк очень быстро. На обратной дороге Валера уже не отставал: то ли он правильно распределил силы, то ли пара беглецов, умерив свой пыл в водах Вори, уже не рвалась так неистово навстречу неизведанному.

9.

Утром его снова разбудил запах мяты. Он посмотрел на часы. Батюшки, без пяти двенадцать!

– И стоило гонять в такую даль, чтобы потом полдня проспять, – осуждающе сказал за завтраком отец. – Кстати, штaketник ты прибил халтурно: опять кобель примял мяту.

Сева покраснел. На помощь ему пришла Эмма Леопольдовна:

– С забором всё в порядке. Это моя вина. Я утром на том месте выбивала ковёр.

– Да что ж плохого: пускай наши ноздри щекочет этот прелестный запах. Кстати, дорогая, не забудь засушить мяты в зиму для добавки к чаю, – напомнил Павел Николаевич.

– Я никогда таких вещей не забываю, – спокойно ответила Эмма Леопольдовна. – А вас, Сева, хотела попросить сегодня вырыть новую силосную яму.

– На заднем дворе? – обрадовался Всеволод.

– Нет, за забором. На участке больше не осталось свободного места.

Копал он до самого обеда. Туго получалось. И в голову лезли самые нелепые мысли.

Может, и у них с Ольгой нет пока детей, потому что он её не очень любит. Или она его. Да, они решили повременить до его защиты и предпринимают кое-какие меры. Но всё же истинное чувство ломает любые преграды.

Эта острая на язык девчонка с подтянутой спортивной фигуркой чудо как хороша! Пока. С изящными простужками так обычно и бывает: рано созревают, рано увядают. В пятнадцать лет королева красоты, а в двадцать пять – уже старушка. Поэтому и спешат они насытиться сполна в ранние годы, чувствуя, что дальше их ждёт грубая однообразная пища. Небось, уже к следующему лету подурнеет, а после первых же родов окончательно обабится. И озорно вздыбленные соски будут показывать не на небо, а на дорогу, а едва заметные округлости ниже спины станут шире плеч.

Зато Оля хорошеет с каждым годом. Целых пять лет. Или это ему одному кажется? Пусть так: значит, он её всё-таки любит. Похождения на стороне не в счёт – у кого их не бывает!

Не надо, наверное, ждать защиты. Вдруг отец успеет внука увидеть. Не настолько он сейчас плох. Глядишь, годочек протянет, наперекор мнению врачей. Здешний воздух целебный поможет. Однако и самому нужно торопиться. Можно ведь эту чёртову диссертацию до Нового года закончить. К весне защитить. Правда, несколько месяцев на утверждение уйдёт, но и Ольге первое время декретные полагаются. Раньше, чем через год, на мель они не сядут. Тут и диплом из ВАКа подоспеет.

Конечно, рвать цветы с чужой клумбы запрещено. Тем более когда есть свои. Но иногда очень хочется, руки так и чешутся.

Да и она желала не меньше. Что ж в том дурного: никто никого не обидел, никто ни у кого ничего не украл.

Почему же тогда таким нестерпимо противным, ядовитым кажется запах этой предательской мяты?

Вечером отец с сыном снова уединились.

– Я начал рассказывать тебе вчера про фамильное кольцо. Большой ювелирной ценности оно не представляет, но служит талисманом уже многим поколениям. Ольга ведь ничего пока не знает о роде, который ей доведётся продлить. Как знать, вдруг прикосновение к истории сделает её взрослее, серьёзнее.

Павел Николаевич явно намекал на долгое отсутствие наследника.

– Между прочим, – поспешил пояснить Сева, – процесс продления рода мы отложили до моего кандидатства. Двести восемьдесят плюс Олина зарплата – четыреста чистыми: вопреки всем законам арифметики на три делится лучше, чем триста.

– Помимо законов математики есть ещё законы жизни. По ним в двадцать лет рожать и воспитывать легче, чем в тридцать.

– Ей всего двадцать пять.

– Вот и я о том: пять лет вы уже упустили.

Конечно, в отце говорила досада: пятилетний внук – вполне осмысленное живое существо, он бы запомнил деда.

– Хорошо, постараемся ускорить, – пообещал Всеволод тоном, означавшим нежелание обсуждать дальше эту тему.

– С другой стороны, вы правы, – неожиданно признал Павел Николаевич. – Проверили свои чувства. Если они не остыли, есть резон увеличивать семью. В противном случае не поздно подыскать другой вариант.

На что он намекает? Неужели, обо всём догадался?

Да, чувства их слегка притупились, как столовый нож, к которому давно не прикасался точильный камень. Но именно сегодня его особенно потянуло к Ольге, захотелось зарыть своё лицо в копну её распущенных ароматных волос, пахнущих фиалками, а совсем не этой навяз-

чивой мятой. Нет, он не утолил вчера свои желания, он лишь растормошил их. Наверное, для этого и нужны разные искушения.

– Раз ты так настаиваешь на продолжении рода, – неожиданно для самого себя сорвалось с языка у Сева, – разреши на время тебя покинуть. Хочу навестить жену.

– Конечно, поезжай, – не без колебания вымолвил отец.

– Сначала позвоню по телефону. У меня есть её штабной номер. Услышать голос Ольги ему удалось лишь в половине двенадцатого.

– Я по тебе ужасно скучаю, – сказал он.

– Я тоже, – ответила она.

– Можешь на одну ночь вырваться из плена? Я бы за тобой заехал.

– Это очень сложно.

– Смотри: здесь столько соблазнов – могу и не устоять.

– Знаешь, у меня их не меньше.

– Вот и давай бороться с ними вместе.

– Попробую. Мне самой позарез надо хотя бы на минутку домой. Забыла взять один разговорник.

– У меня к тебе просьба: захвати, пожалуйста, один билет.

– На какой день?

– На любой. Лишь бы на гимнастику.

– Хорошо.

– Я тебя очень люблю.

– Я тебя тоже.

Сами слова могли показаться затёртыми, неискренними, но интонация, с которой они произносились, паузы и придыхания, их обрамлявшие, напомнили пору студенческой юности, когда они ещё не были мужем и женой, и Всеволод ощутил небывалое блаженство.

Он не стал рвать цветы, с любовью взлелеянные Эммой Леопольдовной, а взял с собой в Москву большой букет мяты.

С уснувшими, по обыкновению рано, отцом и мачехой Сева проститься не успел: оставил им записку, что вернётся следующим днём.

Зато в эту тёплую летнюю ночь он простился с бесшабашной юностью.

1982

Последняя корова

Июльское солнце в самом зените. Вовсю старается показать свою удаль. И всё в природе ему радо: стрекохут кузнечики, выползают из всех щелей маленькие жучки, порхают над налившейся соком зеленью бабочки и стрекозы, с ещё большим усердием снуют муравьи.

Любит Анфиса такие деньки. Сама, правда, прячется в тенёчке, но Бурёнку гонит на самое пекло: скотина не человек – ей нипочём. Зато, как верит хозяйка в магическую силу небесного светила, войдёт жар в худую плоть божьей твари, излечит её от хворей, зарядит энергией, и побежит из вымени струйка обильнее и жирнее.

В струйке этой надежда старухи на сытую зиму. Творожок, маслице, сметану себе припасёт, а пока полон посёлок всяким праздным людом, охочим до парного молока, можно и деньжат немалых выручить. Так и тянется каждый вечер вереница к Серафимину крыльцу из всей округи с крынками и бидонами. Куда ж им ещё идти, если в посёлке осталась одна корова, а в окруживших его садоводствах домашнего скота отродясь не держали!

Да что там коров – людей толком не осталось. Старики, что до войны здесь первыми поселились, поумирали, молодёжь повзрослела и разлетелась, как стайка пугливых воробьёв: одни в столицу подались, другие в райцентр, третьи осели поблизости в кирпичных домах радицентра. Центр этот построили вскоре после войны, чтобы ретранслировать правительственные голоса на все города и веси огромной страны. Мачты взметнули под небеса. И на каждой огоньки. Теперь в лесу не заблудишься: по огонькам этим легко можно домой из любой чащобы выйти. Только и пользы. В остальном – один вред. Сманили мужиков непьющих (тогда ещё водились такие) непыльной работой да жильём с удобствами. Хоть квартирка из двух-трёх комнат для большой семьи тесновата, зато на двор по нужде бегать не надо, мыться можно, не выходя за порог, и, самое главное, тепло в холодные дни само по трубам приходит – ни дровами не надо запасаться, ни углём: встаёшь утром, а «печка» сама натоплена, как в сказке про Емелю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.